

Белановская О.В. Знак и символ в культуре и сознании // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч.2. Вып. 9 (14) / Под. ред. В.Ф.Беркова. – Минск: РИВШ, 2010. – С.31-36.

ЗНАК И СИМВОЛ В КУЛЬТУРЕ И СОЗНАНИИ

О.В. Белановская

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка,
Минск

В статье обсуждаются вопросы роли знаковых систем в развитии человека. Знаково-символическая деятельность рассматривается как особое, присуще только человеку, образование, позволяющее ему «расшифровывать» информацию внешнего мира знаков, сохранять и преобразовывать ее во внутреннем плане и активно изменять внешнюю знаковую среду, продуцируя собственную «зашифрованную» информацию. Результатом отражения, опосредованного знаковыми системами, рассматривается построение «образа мира» в индивидуальном сознании и формирование человеческой субъективности.

In this article will be discussed questions about symbols systems in human development. Sign-symbolic activity is examined as unique formation inherited only for human and permitted to decode external signs information, save and transform it into internal, actively vary external sign surrounding, generating his own "code" information. The result of this reflection which is mediate of sign systems, is considered as construction of "icon world" in individual consciousness and forming human subjectivity.

Человек живет в мире знаков и символов, которые создает сам. Это математические знаки и символы, буквы письменной речи, жесты, театр, балет и т.д. В последние годы заниматься исследованием знаковых аспектов деятельности стало более чем распространенным занятием. Однако существуют лишь единичные исследования, где знак выступает в его реальном генезисе и реальном функционировании, как нечто заданное человеку и конституирующее его деятельность, закономерности взаимоотношения социального и индивидуального в сознании, с диалектику мышления и речи и т.п. [6].

Психическое отражение человека, в отличие от животного отражения, опосредствовано беспрерывно накапливающимся опытом всего человечества. Присвоение этого опыта позволяет выстроить так называемый «образ мира» [1; 7; 10; 11], а также собственную субъективность. Важнейшую роль в процессе присвоения социального опыта, обогащающего и развивающего «образ мира», играют различные знаковые системы, в первую очередь, язык. «Усвоенный язык как концентрированный продукт общественно-исторического опыта уже сам по себе есть в какой-то степени упорядоченный, обобщенный «образ мира». Он меняет само психическое отражение, задает ему целый ряд новых качеств» [10].

Подчеркивая важность знакового опосредствования человеческого отражения, А.Н. Ломтёв писал: «Животные, человек живут в предметном мире, который с самого начала выступает как четырехмерный: он существует в трехмерном пространстве и во времени (движении)... Возвращаясь к человеку, к сознанию человека, я должен ввести еще одно понятие – понятие о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это – «смысловое поле», «система значений» [7, с. 4-5]. Изучению этой специфической формы человеческого отражения посвящено большое количество работ,

основанных на идеях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и др. Ее суть может быть кратко выражена следующими положениями.

В эволюции живых существ изменения внутренних механизмов регуляции жизнедеятельности передаются в универсальном генетическом коде. В этом коде «записаны» даже самые сложные поведенческие акты, такие как действия родительского, брачного поведения, «язык животных». «Кодирование же через неорганическое тело приводит лишь к уточнению каждой отдельной особью генетически заданных механизмов жизнедеятельности. Поэтому данный тип кодирования у животных при отсутствии кодирования генетического не может обеспечить передачу сложных способов жизнедеятельности и поведения» [5, с. 6].

В развитии человека также используется генетическое кодирование информации, но «поскольку человек рождается с универсальным неспециализированным мозгом, функциональная система которого формируется условиями социального бытия, постольку возникает необходимость кодирования посредством элементов неорганического тела, становящихся материальными носителями, знаками способов и механизмов жизнедеятельности и поведения» [10, с. 43]. Таким образом, в человеке оказываются заложенными как бы две программы – инстинктуальная и социокультурная.

Человек может отображать мир в многообразных формах (в форме процессов питания, роста и т.п.; в форме эмоций, двигательной активности, ощущений и восприятий и т.д.), но знаковое отражение оказывается наиболее существенным для его развития именно как человека. Поэтому развитие человека идет не столько по линии совершенствования генетических программ, сколько по линии освоения им все большего числа знаковых образований.

В психологической литературе знак определяется как компонент деятельности человека, средство его сознательной ориентировки в объектах внешнего мира, управления собственным поведением и поведением других людей. С одной стороны, знак – материальная вещь, с набором чувственно воспринимаемых свойств, с другой, он выступает как олицетворение, репрезентация обозначаемого предмета, обладающего отличными от собственных, природными особенностями, то есть фактически, как идеальный образ.

Чтобы охватить многообразие терминологических описаний знаков, Н.Г. Салмина предлагает использовать термин «знаково-символические средства», «поскольку он подчеркивает и репрезентирует сущность знака, то обстоятельство, что он есть форма некоторого содержания, значащая форма» [9].

Отталкиваясь от того, что знак (символ) является отражением чего-то внезнакового, то значащего, А.Ф. Лосев дает следующее содержательное определение знака: «Знак вещи есть отражательно-смысловая и контекстуально-демонстрирующая функция вещи (или действительности вообще), данная как субъективно-преломленный предельно обобщенный и обратно-отобразительный инвариант текуче-вариативных показаний предметной информации». Иными словами, знак может быть назван функцией того элемента действительности, который он отражает, то есть знак функционирует в человеческом сознании как та вещь, которую он отражает, но отражает в снятом, обобщенном виде [10].

В этом смысле знак – это обобщенный смысл предмета или явления действительности. В отличие от сигналов, в которых ведущей является связь с

биологическими (биотическими) потребностями живых существ, знаки, символы – продукты социального развития. Введение знака оказывается возможным, когда первоначально обозначаемый предмет объективно, в силу особенностей его использования в человеческой деятельности становится, так сказать «знаком самого себя», то есть когда предмет начинает выполнять исключительно информационную функцию, он может быть заменен знаком. Таким образом, знаки связаны с употреблением и передачей социально выработанных значений и функционируют только в обществе.

Важно также положение А.Ф. Лосева о том, что «символ есть смена встречи обозначаемого и обозначающего, которые не имеют ничего общего между собой, но в то же время он есть сигнификация вещи, в которой отождествляется то, что по своему содержанию не имеет ничего общего между собой, а именно – символизирующее и символизируемое... Знак в этом смысле «есть полное взаим. проп.ование идейной образности вещи с самой вещью» [10, с. 23].

Символ и знак часто отождествляются не только на уровне обыденного, но и научного сознания. Полагаем, что различие между знаком и символом может определяться степенью условности связи обозначающего и обозначаемого. Максимальной условности связь между ними достигает в знаке. А сравнение формы символа и символизируемого содержания показывает их абсолютное несходство, выражающееся в полном различии обозначающего и обозначаемого.

Таким образом, знак и означаемое, образуя единое значение, не связаны между собой ни формальной, ни сущностной связью. Образуя единый смысл, символ и символизируемое также различаются по форме, но при этом сохраняют между собой внутреннюю связь.

Общепринятый взгляд на вещи приписывает любому знаку устойчивое значение. Но простой констатации в данном случае явно недостаточно – знак должен иметь устойчивое значение, иначе его применение не будет иметь никакого смысла. В противоположность «извлекающему» знаку, символ «втягивает» в себя всевозможные смыслы, ассоциируемые с вещью. Одновременно выступая своеобразным источником смыслов, он обеспечивает их постепенный выход в практическую плоскость. То, что предметная и смысловая стороны символа оказываются неразрывно связанными, позволяет говорить о «многослойности» его структуры. Это стимулирует внутреннюю деятельность познающего субъекта, предполагает дополнительное усилие с его стороны.

Отметим, что смысл символа нельзя разяснить с помощью однозначной формулы как в случае знака, его можно только пояснить определенным ассоциативным рядом. Таким образом, смысл выступает как тенденция, он не дан, а *задан*, и требуется усилие – сознательное и личностное одновременно, чтобы его раскрыть.

Поскольку знак чаще всего функционирует на каком-то одном уровне реальности, а его смысл обнаруживает себя как данность, то знак понятен всем участникам «договора», регулирующих процессы данного уровня. Понимание знака есть следствие договоренности и для овладения им нужно только знание соответствующего значения.

То есть, овладение знаком происходит постепенно и опосредованно, за этим процессом стоит мышление со своей длительностью и затрачиваемым когнитивным усилием. Отсюда, в частности, следует, что оперирование знаком варьирует по степени осознания, то есть те или иные аспекты знаковой деятельности могут быть как в фокусе сознания, так и вне его, смещаясь к области бессознательного.

Напротив, символ всегда связан с символизируемым содержанием, и поэтому не нуждается в дешифровке, будучи понимаем немедленно. В том смысле, что если он вообще доступен пониманию, то это происходит сразу, непосредственно. «Непосредственно» означает, что за символом стоит не столько знание, сколько понимание реальности, одномоментное «схватывание», плюс усилие.

Пренебрегая длительностью этого скоротечного процесса, мы заключаем, что именно символическая деятельность есть подлинно сознательная. Ведь восприятие символа, по существу, захватывает самый фокус сознания.

М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский указывают на кардинальное отличие символа от знака: символы «есть репрезентации не предметов и событий, а сознательных посылок, результатов сознания, содержательностей сознания» [9]. Сосуществовая друг с другом, символ и знак олицетворяют собой два разных способа функционирования сознания, задавая тем самым два типа регуляции деятельности и поведения человека: знак служит для представления реальных вещей (явлений, свойств и т.д.) в обобщенной идеальной форме. Именно он «снимает» всеобщее с реальных объектов действительности. Символ же представляет сознанию в наглядно-образной форме абстрактные идеи и понятия, то есть «снимает» всеобщее уже не с самих реальных предметов, а с отражающих их знаков, с уже созданной идеализированной предметности. В том смысле символы как бы знаки второго порядка, знаки знаков.

Мы считаем, что оперирование знаковыми средствами целесообразно рассматривать как деятельность. В философской и психологической литературе деятельность рассматривается как форма активного отношения к окружающему миру, содержание которого составляет его целеобразное изменение и преобразование. Среди важнейших характеристик деятельности указываются ее предметность и осознанность. Предметность выступает как универсальная пластичность деятельности, как ее возможность отражать в себе объективные качества предметов, среди которых действует субъект. Предметный характер деятельности лежит в основе ее объективной детерминации. Данные характеристики относятся и к деятельности с знаково-символическими средствами.

Отличительной особенностью отражения в форме знаково-символической деятельности является отсутствие «деформации» отражаемых предметов под влиянием прямого внешнего взаимодействия их с человеком. Если предмет отражается путем его реального изменения, то результат отражения не будет соответствовать самому предмету, поскольку предмет уже изменился под отражательными воздействиями. «Воссоздание» же предмета в идеальном плане является качественно иным уровнем отражения, в связи с чем Л.С. Выготский отмечал особый характер знаковых образований, которые как бы усиливают и удлиняют отражательные способности человека [4].

Как и любая деятельность, знаково-символическая деятельность осуществляется в форме опредмечивания и распредмечивания. «*Опредмечивание* есть переход процессов деятельности в покоящееся свойство объекта, превращение действующей способности в форму предмета. *Распредмечивание* – обратный процесс перехода предметности в живую деятельность, в действующую способность» [10, с. 45]. Распредмечивание знака – «вычerpывание» из него способов и механизмов стоящей за ним человеческой жизнедеятельности и их присвоение [5, с. 23] – является первым, базовым уровнем развития знаково-символической деятельности. Вторым уровнем является

опредмечивание человеком новых форм своей жизнедеятельности в существующих знаковых образованиях (языке, формулах, нотных знаках и т.д.), что позволяет ему активно оперировать своей собственной жизнедеятельностью в форме действия со знаками. Будучи вынесенными во внешний план, эти новые формы жизнедеятельности становятся для других людей объектами распредемечивания, так как воплощаются в общих для всех знаковых системах.

Результатом отражения, опосредованного знаковыми системами являются построение «образа мира» в индивидуальном сознании и формирование человеческой субъективности [10]. «*Образ мира*» человека – это универсальная форма организации его знаний, определяющая возможности познания и управления поведением [12, с. 152]. Будучи активной инстанцией сознания, «образ мира» не сводится к функциям памяти, актуализации прошлого опыта при решении определенных когнитивных задач: сформировавшись в онтогенезе, он становится в каком-то смысле «порождающей моделью» действительности за счет феномена «опережающего отражения». Осознанное отражение окружающей действительности подразумевает возможность изменения и уточнения системообразующих элементов «образа мира», т.е. способность человека произвольно управлять процессами отражения, актуализировать и просматривать необходимые стороны этого образа. По мнению Л.Е. Сапоговой, это осознанное управление отражением «осуществляется на основе знаково-символической деятельности, через активное распредемечивание существующих знаковых образований» [10, с. 46].

Человеческая субъективность в общих чертах определяется «как особая интегративная форма общественного бытия человека, форма практического освоения мира, где человек становится способным ассимилировать явления бытия как факты жизнедеятельности» [10]. Смысл субъективности состоит в возможности отношения человека к себе одновременно и как к субъекту, и как к объекту: «в основе субъективности человека лежит присвоение его собственной природности и противостоящей ему его собственной социальности» [12, с. 15]. Появление субъективности придает новое качество всему бытию, задает ему человеческое, культурное измерение.

Становление человека как субъекта осуществляется через общение с другими людьми – носителями субъективности. Именно поэтому формы общения и обслуживающие их знаковые системы приобретаются ребенком раньше всех остальных форм активности. В дальнейшем, за счет субъективности человек получает возможность возвыситься над любой формой своей жизнедеятельности. «Делая себя своим собственным предметом, человек приобретает универсальную, пластичную способность к любым формам бытия, которые созданы предшествующим историческим развитием (становится мерой всех вещей)» [10, с. 51].

В онтогенезе в процессе становления субъективности с точки зрения знаково-символической деятельности реализуются три группы семиотических отношений: взрослый человек, другой человек как знак для ребенка, ребенок как знак для других и, наконец, ребенок как знак для самого себя. Последнее связано не только с самопознанием, но и с раскрытием своих возможностей. Через открытие себя как знака для других, ребенок формирует свою самость, приходит к осознанию себя через отношение к нему других людей.

Теория знакового опосредования в развитии человека довольно небрежно трактуется в тех своих положениях, где речь идет о путях становления сознания и

самосознания в онтогенезе. Мы полагаем, что идея знаково-символической деятельности как семиотической теории опосредования, может рассматриваться как иерархическая регуляторная система значений, которая обеспечивает психологическое дистанцирование индивида от здесь и сейчас происходящих событий. Эта дистанция обеспечивает диалогичность системы Я, внутри которой и происходят различные динамические подвижки.

Именно в рамках знаковой деятельности человеком осваивается тот внутренний строительный материал, из которого создается квазипредметность, позволяющая подняться на качественно новый уровень развития: возможность отнестись к себе как знаку для себя [2; 3]. Нашей гипотезой является предположение, что роль продвижения «знака знаков», когда система Я «обнаруживает» себя, состоит в том, что он является частью иерархии в знаковом опосредовании, и его единственной функцией является преобразование самой иерархической системы. Функция продвижения знака обеспечивает диалогическому Я возможность изменить свою Я-позицию. Я как бы создает систему «ты» для того, чтобы она контролировала Я.

Таким образом, сосуществовая друг с другом, символ и знак олицетворяют собой два разных способа функционирования сознания, задавая тем самым различные типы регуляции поведения человека. Деятельность по оперированию знаковыми средствами является особым образованием, позволяющим человеку строить «образ мира» в индивидуальном сознании и формирующим человеческую субъективность.

Список используемых источников

1. Аксенова, Ю.А. Символы мироустойства в сознании детей / Ю.А.Аксенова. – Екатеринбург, 2000. – 272 с.
2. Белановская, О.В. Генезис я-форм замещения у детей раннего возраста в условиях нормы и социальной депривации: Дис. ... канд. психол. наук. / О.В.Белановская. – Мн., 2000. – 173 с.
3. Белановская, О.В. Знаково-символическая деятельность как основа успешности школьного обучения / О.В.Белановская, В.И.Секун // Возрастная и педагогическая психология: Сб. науч. тр. – Мн.: БГПУ. – 2003. – Вып. 5. – С. 39–46.
4. Выготский, Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка / Л.С.Выготский // Собр. соч. – М., 1984. – Т. 6. – С. 1–90.
5. Глотова, Г.А. Человек и знак: Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека / Г.А.Глотова. – Свердловск, 1990. – 256 с.
6. Леонтьев, А.А. Психология общения / А.А.Леонтьев – М., 1997. – 365 с.
7. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н.Леонтьев // Избр. психолог. произв.: в 2-х т. – М., 1983. – Т.2. – С. 94-231.
8. Мамардашвили, М.К., Пятигорский, А.М. Символ и сознание. // М.К.Мамардашвили, А.М.Пятигорский. – М., 1997. – С. 99.
9. Салмина, Н.Г. Знак и символ в обучении / Н.Г.Салмина. – М., 1988.
10. Сапогова, Е.Е. Ребенок и знак. Психологический анализ знаково-символической деятельности дошкольника / Е.Е.Сапогова. – Тула, 1993.
11. Смирнова, Е.О. Психология ребенка / Е.О.Смирнова.– М., 1997.
12. Слободчиков, В.И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека / В.И.Слободчиков // Вопросы психологии. – 1986. - № 6. – С. 14-22.